

которой приходилось пропустить рассказъ объ убійствѣ двухъ римскихъ сановниковъ въ Латеранскомъ дворцѣ и о заступничествѣ папы за убійцъ передъ императоромъ.

Авторъ „Судебъ Италіи“ закончилъ свое сочиненіе величайшимъ событіемъ въ исторіи западной Европы — коронованіемъ Карла Великаго въ Римѣ императорскою короною. Италія снова стала частью имперіи, но не главною, какъ въ прежнія времена; теперь она не болѣе какъ завоеванная провинція, и для ея историка становится важенъ вопросъ о вліяніи на нее этого завоеванія. Съ вопроса о значеніи для Италіи франкскаго завоеванія и начинается Кудрявцевъ свой *второй* томъ, и по своему обычаю дѣлаетъ частный вопросъ исходной точкой для разсужденія объ общемъ ходѣ историческихъ событій и глубокомъ вліяніи ихъ на жизнь народа.

Въ книгѣ: *Судьбы Италіи* Кудрявцевъ старался доказать способность къ жизни и движенію *лонгобардскаго начала* въ Италіи. Но это еще полное жизни начало было насильственно прервано франкскимъ завоеваніемъ. Русскій историкъ Италіи жалѣетъ объ этомъ оборотѣ дѣлъ и высказывается противъ фаталистическаго объясненія или оправданія событій. „Историческія событія, — говоритъ онъ, — дѣйствительно неотразимы, но лишь съ того времени, когда они совершились. Тогда нечего болѣе разсуждать о ихъ отмѣнимости или неотмѣнимости, тогда дѣло историка состоитъ лишь въ томъ, чтобы стараться опредѣлить ихъ слѣдствія, показавъ напередъ тѣ предѣлы, въ которыхъ должно распространиться ихъ вліяніе“. По этому поводу Кудрявцевъ указываетъ на то, какъ глубоко событія пускаютъ свои корни въ самую почву той или другой страны и срастаются съ нею почти до *безпредѣльности*. „Не въ одной только памяти, не въ одномъ воображеніи народа живутъ они, но нерѣдко проникаютъ до самыхъ основъ народнаго характера. Года прокладываютъ морщины на лицѣ человѣка, историческія событія прорѣзываютъ не менѣе глубокія черты на нравственной фізіономіи цѣлаго народа“... „Печать историческая, хороша она или дурна, почти всегда неизгладима. Религіозное сознаніе индійца не измѣнилось въ продолженіе тысячелѣтій; греки не могли освободиться отъ своего несчастнаго историческаго дуализма. Византія до конца своего существованія не могла раздѣлаться съ нѣкоторыми недугами, которые присущи были ей съ самаго начала возрожденія ея подъ римскимъ знаменемъ. Еще въ наше время сохранились многія межи, проведенныя болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ назадъ германскими завоеваніями. Рыцарство давно сложило всѣ свои доспѣхи въ національные